

Е. А. Агеева

тароверы Причудья и Таллина — уникальное и до сих пор мало исследованное с точки зрения истории и духовной жизни сообщество. Несколько лучше описана его этнография. И в этом несомненная заслуга принадлежит эстонским ученым А. Х. Моора [Моора 1964] и Е. В. Рихтер [Рихтер 1974], важную роль сыграла также деятельность Балтийской комплексной этнографо-антропологической экспедиции под руководством Н. Н. Чебоксарова, проводившаяся в 1950-х гг. [Материалы 1954].

Традиции староверия, насчитывающие более 350 лет, в настоящее время повсеместно подвергаются новым испытаниям и, не осилив их, угасают. А то, что еще поддерживается с давних времён как завещанное предками, требует внимательного изучения и бережного сохранения. Эта, казалось бы, очевидная мысль, не везде находит подлинное понимание, и тем более важно отметить, что именно в Эстонии можно наблюдать стремление к постижению древней культуры, нашедшей в годы испытаний свое пристанище в этих местах и достигшей определённых высот и расцвета.

Один из центральных вопросов, в последние годы волнующий исследователей, касается времени появления сторонников старой веры в Причудье. Казалось бы, очевидно, что это произошло после трагических событий в Москве в 60–80-х годах XVII века, с распространением беспоповского федосеевского направления старой веры¹. В то же время бытует точка зрения, что русские, издревле жившие в этих местах, не имели возможности во всей полноте исповедовать православие и проводили богослужение без священников

¹ А. Х. Моора весьма точно подмечает тенденции заселения Причудья: «В последние десятилетия этого века (XVIII — *Е. А.*) на берег Чудского озера, от Лохусуу до д. Воронья, а также на остров Пийриссаар переселилось большое количество русских старообрядцев. Много переселенцев было из Витебщины, вошедшей в это время в состав России, другая часть — из Новгородской губернии и отдельные даже из Тверской губернии. Местное население быстро увеличивалось и за счёт переселенцев, и за счёт естественного прироста. К началу XIX века на Западном берегу Чудского озера вырос целый ряд больших, иногда переходящих непосредственно одна в другую, деревень, которые стоят и по сей день» [Моора 1964: 289].

и без литургии. Такая практика была известна на русском севере, но подобных фактов документально пока нельзя привести для Причудья. Возможно, и следующее объяснение: русские жители продолжали следовать известным им обрядам, не зная и тем самым не признавая новых. Все точки зрения в какой-то мере могут сосуществовать как гипотезы, но, видимо, особенно важно выявить комплекс документов, который позволит убедительно показать историю распространения староверов в Причудье, динамику расселения его последователей, полемику, способствующую развитию согласия, самобытную культуру, то есть понять внутреннюю жизнь старообрядческих общин Эстонии, столь важную для осмысления феномена староверия в целом.

Изучение истории староверия Причудья в данном проекте было начато и сосредоточено на данных Исторического Архива Эстонии, прежде всего фонда 291 (Лифляндский генерал-губернатор 1783–1801; Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор 1801–1876). Наиболее ранним документом этого собрания, посвященным староверию, является Донесение от 11.01.1821 г., входящее в дело № 173, Оп. 1 указанного фонда. Его рассматривала и Е. В. Рихтер по списку Российского Государственного исторического архива в Петербурге.¹ В донесении отмечалось, что «при Чудском озере насчитывается до 2700 раскольников² федосеевского согласия и живут большей частью в д. Воронье поместья Каваст. Моленная, там находящаяся, отличается обширностью и тем, что имеет колокольню, построенную за 9 или 10 лет пред сим и при наставнике Федоте Никитине, который вообще принадлежит к числу старших в Дерптском уезде и имеет в своем ведении Дерптскую моленную, осматривал другие, приводит к исповеди настоятеля, сносится с высшим наставником или батькою Василием Ивановым, находящимся в селе Сольцы в 20-ти верстах от Пскова на дороге к Порхову» (Л. 192 об.).³ Далее сообщается, что «в Дерптском уезде 7 моленных: Воронья, Черная, Кикита, Межа, Красногоры, Кольки, Кассапель» (Л. 193 об.). В донесении отмечаются следующие важные факты: с 1811 г. в Дерптском уезде к числу староверов прибавилось 528 душ (Л. 194), а военный губернатор доносил, что «первоначально по

¹ РГИА, Ф. 1284, Оп. 195, 1821 г., ед. хр. 1.

² Просим простить за частое упоминание отменённого в 1905 г. наименования «раскольник», но именно и только так назывались причудские староверы в официальных документах.

³ Ссылки на листы документов приводятся в тексте очерка.

берегам Чудского озера поселялись беглые» (Л. 194 об.). Значительный рост последователей старой веры, несомненно, связан с более мягким законодательством императора Александра I в отношении свободы вероисповедания, в том числе и в Остзейском крае. Но староверы в Причудье хорошо известны были и в XVIII в., хотя это не нашло пока серьёзного документального подтверждения. Впрочем, Воронья упоминается в следственных документах, связанных с разгромом знаменитой Ряпиной мызы — известного и влиятельного исторического центра федосеевского согласия. Так, в 1719 г. при расследовании доноса беглого солдата Петра Тюхова в ответах захваченных федосеевцев не раз называлась Воронья как место жительства староверов [Есипов 1861].

Основной комплекс документов ИАЭ относится, прежде всего, к XIX столетию, на протяжении которого постоянно прослеживаются тенденции запретительного и даже карательного отношения к староверам. Ситуация несколько изменяется только в конце XIX — начале XX века.

В задачи нашего исследования входило выявить наиболее важные и характерные исторические документы, отражающие старообрядческую жизнь Причудья. Создание же всесторонней конфессиональной картины этого региона представляется делом будущего и предполагает привлечение материалов других архивов и широкого круга источников.

Местные власти последовательно вели борьбу с внешними проявлениями обрядов, например, публичными похоронами староверов. Об этом свидетельствует архивное дело № 4659 (Ф. 291 Оп. 1) 1828 г. о погребении Давыда Никитина¹, где отмечалось «сего июля 3 дня Дерптской Успенской церкви священнику сообщили, что состоялось погребение 5 числа прошлого июня тамошнего местного мещанина раскольника Давыда Никитина, и хотя господин полицмейстер предписал квартальному надзирателю титулярному советнику Норманну предпринять меры к недопущению церемоний, тем не менее, раскольники из молитвенного дома умершего вечером вынесли, и вперед умершего отроки несли икону, за нею два отрока со свечами, потом с умершим гроб, накрытый не покровом, а фатовой покрывалкой, пение же «Святой Боже» произвели в одном месте, где нет

¹ Данный документ в списке РГИА Ф. 1284, Оп.196, 1835 г., ед. хр.153 также привлекался Е. Рихтер для характеристики местных обрядов.

строения, а что на границе уездной происходило, то полиции неизвестно» (Л. 1).

Псковский архиепископ Мефодий неоднократно обращался к его превосходительству, господину исправляющему должность Псковского губернатора советнику и кавалеру Б. В. Будбергу с просьбой предать виновных суду, переписка велась долго, бароны Б. В. Будберг, М. И. фон-дер-Пален, а также маркиз Паулуччи — все высшие губернские руководители предписали поступить с виновными по закону (Л. 8 об.), к которым отнесли Стефана Никифорова Попова, Давыда Никифорова Кондратьева и Михаил Иванова, решившего крестить своего дитя в раскол, но дело продолжало тянуться, в том числе и «из-за волокиты по переводу на российский диалект» (Л. 9).

Даже спустя много лет после разгрома Ряпиной мызы власти очень внимательно присматривались к её жителям и гостям. Так, сохранилось дело № 6008 (Ф. 291 Оп. 1) 1834 года, в котором «благочинный г. Дерпта священник Василий Фасонов донес в Псковскую консисторию, что в истекшем ноябре прибывший в Ряпинский приход наставник раскольников секты Александр, не имеющий вида и паспорта, совратил ряпинского жителя мещанина Ивана Иванова и других, а посему подлежит судебному разбирательству». В результате следствия, впрочем, выяснилось, что Александр никогда наставником не был, так как не знает грамоты, в Ряпине не «шатался без паспорта, а гостил у племянника Ивана Иванова, где задержался по причине погоды и невозможности прохода по Чудскому озеру. О переходе Ивана Ивановича в православие не знал, а потому и не было случая отклонить его православного учения» (Л. 10).

Власти старались присматриваться и к малейшим разногласиям внутри старообрядческого сообщества. Наибольшую известность получило дело о распространении ереси в д. Воронье мещанином Сидором Куткиным, продолжавшееся 5 лет с 1841 по 1846 год и завершившееся отправкой Сидора Ивановича, дерптского окладиста, на Кавказ (Ф. 291 Оп. 8 Д. 639). Это дело публикуется нами практически полностью, так как оно весьма показательно и трагично. Сидор Куткин — общественный деятель (упоминается во многих документах Архива), ревностный старовер, вернувшись из Петербурга, усомнился в чистоте и праведности веры своих односельчан, за что был объявлен властями злостным преступником, «заблудившимся религиозным мечтателем» и отправлен по этапу на Кавказ. К сожалению, таким был

нередко итог духовных исканий в России в разные времена. С. И. Куткина заподозрили в сочувствии к скопчеству, весьма распространённому в то время духовному течению, но, безусловно, ошибались, в чем были вынуждены сами признаться. Очевидно, в столице Сидор Иванович познакомился со странниками — весьма радикальным старообрядческим течением, избегающим «антихристово мира». Они предпочитали нателные деревянные кресты (в деле сохранился такой крест, принадлежавший С. И. Куткину) и боролись с «укрывающимися за попами», то есть также как и Куткин, отказывались от каких-либо компромиссов с духовенством, а тем более уплаты им денежных взносов. Сидор Иванович и его воронейские последователи, также как и странники, избегали паспортов, а приложенную к ним печать называли «антихристовою» (Л. 17). Не принимали участия и в сельских увеселениях [Пятницкий 1906, Мальцев 1984]. Дело Куткина требует дальнейшего самостоятельного исследования и комментария, хотя его и рассматривала Е. Рихтер по списку из Петербурга¹, но её выводы вслед за В. Д. Бонч-Бруевичем и А. И. Клибановым о «возникновении сектанства на почве сектанства» отражают воззрения определённого этапа научного осмысления проблемы староверия [Рихтер 1974: 244].

Несколько меньший резонанс имело дело «об открывшейся в Дерптском уезде новой раскольнической секте» 7.06–18.06.1861 г. (Ф. 291 Оп. 1 Д. 16113), но и его расследование принесло немало волнений «открывшему» секту православному священнику Щепетову, а также представителям властей на разных уровнях. Этот документ также представлен с некоторыми сокращениями в данном издании.

Одними из основных и постоянных действий власти были попытки, в той или иной мере удававшиеся, очернить староверов, преподнести проводимые ими традиционные обряды как нечто полностью противоречащее обычаям православия, народной жизни и вообще нормам бытия. Весьма характерным представляется дело (Ф. 291, Оп. 1, Д. 16224), возникшее 20.07.1862 г. и продолжавшееся до 7.04.1863 г., в котором архиепископ Рижский Платон доносил, что из-за неблагоприятных поступков некоторых сторонников старой веры в местечке Черном происходят волнения. К числу проступков он относил отпевание в моленной, погребение без священника. Возмущение его

¹ РГИА, Ф. 1284, Оп. 199, дела 76 (1841 г.) и 187 (1842 г.).

вызвал и тот факт, что некоторые староверы, ранее насильно переведенные в единоверие, в том числе и Трифон Андреев Стогов, подговаривали «своих единоверцев к составлению какого-либо акта о дозволении всем переходить в раскол» и даже собрали деньги на это. Захар Васильевич Семенов отказался исповедоваться у священника, запретил погребать себя при священнике, что дочери его действительно и исполнили (Л. 3 об.), а целый ряд крестьян отказались бывать у исповеди и уверяли, что нынче всем дозволено переходить в раскол, а крестьянин Яков Максимов говорил, что «был глуп, когда до 1859 г. ходил в церковь, а теперь стал умнее» (Л. 4 об.). Голова Черносельского единоверческого общества Иван Герасимов Алексин и помощник его Иван Яковлев Климов не только не содействовали водворению порядка, но и потворствовали расколу, за что, по мнению администрации, должны были быть уволены с должности (Л. 16 об.). Крестьяне Зарубин и Жигулин заявили: «Делайте с нами, что хотите, мы не желаем быть единоверцами». Все основные зачинщики получили внушение, а также были «подвергнуты самому строгому наказанию», но всё это не принесло никакой пользы (Л. 30). В материалах дела содержится письмо, где говорится «о погибели Чёрной, так как все церковные становятся раскольниками. Из 500 семей остаётся лишь 5 или 6. В праздничные дни бывает до 10 человек, а в вечерню никого кроме причта» (Л. 32–33).

Такова была обстановка среди причудских староверов в середине XIX в. Это отвечало и духу того времени — эпохе всесторонних преобразований в обществе. Власти настолько были озабочены активностью причудцев, что вынуждены были в 1861 г. организовать специальную Комиссию «для соображений об устройстве быта Русских поселенцев на Лифляндском берегу Пейпуса» (Ф. 291 Оп. 1 Д. 16116)¹, где рассматривались вопросы численности русского населения, их расселения по мызам, возникновения старообрядчества под влиянием Ряпиной мызы с упоминанием наиболее видных наставников, имена которых сохранились в народной памяти: Авраамий Данилов и двое Софроновых. Поднимались проблемы номинального закрепления староверов за разными городами, их податей, хозяйства и прочего. В качестве мер предлагалось провести перепись причудского населения, выяснить возможность передачи в собственность поселенцев некоторых земель и угодий, предполагалось расселение эстонцев среди русских,

¹ Выражаем глубокую признательность З. И. Куткиной за любезное указание на существование данного дела в ИАЭ.

учреждение метрических книг, а также введение полицейских учреждений по примеру существующих в старообрядческих слободах Черниговской губ., открытие обязательных школ, а в довершение для поддержания столь желанного властями порядка предлагалось ввести особый сбор со староверов. Те же, кто переходил в господствующую церковь, от него освобождались. Таким образом, правительство намеревалось управлять причудскими староверами, распоряжаясь их средствами и сея вражду. Это лишь некоторые черты жизни последователей старой веры в Эстонии, на наш взгляд, небезыңтересные и их потомкам. Далее с небольшими сокращениями неразборчивых мест или повторяющихся сведений публикуется ряд документов фонда 291 на основе современной орфографии, но с сохранением в ряде случаев авторских особенностей. Документы не комментируются, что предоставляет широкий простор для размышлений их современным читателям.

подавляющее большинство документов, кроме отмеченных, впервые вводятся в научный оборот. Некоторых из них даже не касалась рука исследователя. Так, никогда ранее не изучался и не появлялся на страницах печати уникальный по полноте, подробности и, отчасти, точности именной список всех староверческих семей и отдельных жителей Западного Причудья — Ф. 291, Оп. 8, дела 1650 (1855 г.), который, видимо, составлялся для подготовки Комиссии по изучению быта русских поселенцев, о которой речь шла выше и выводы которой, в силу их обширности, предполагается опубликовать в будущем. Научная публикация документов по истории староверия Западного Причудья с углублённым комментарием и привлечением дополнительного круга источников — это насущная задача следующих совместных московско-тартуских исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Моора А. 1964 — *Peipsimaa etnilisest ajaloost*. Tallinn.
- Рихтер Е. В. 1974 — *Русское население Западного Причудья*. Таллин.
- Материалы 1954 — *Материалы этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. Т. XXIII*. Москва.
- Есипов Г. 1861 — *Раскольничьи дела XVIII столетия. Из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии*. СПб., Т. 1–2. С. 78–101.

Пятницкий И. И. 1906. — *Секта странников и её значение в расколе*. Сергиев Посад. Мальцев А. И. 1984. — *Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX века*. Новосибирск.

(c)starover.eu